

В.Д. Кочетков
Н.П. Мусорин

Кувачино

очерки истории села

Е.М. Архипова.

Как хочется, чтоб все это было сном

Рассказ 94-летней Екатерины Михайловны Архиповой передаем с сохранением индивидуального стиля и особенностей местного говора.

Сама-то я кувакинская. Отец, Логинов Михаил Алексеевич, и мать, Рылина Аграфена Яковлевна, были крестьянами. Мама родила 12 детей, но в живых осталось только трое. Я последняя роженка, двоешка. Меня как родили, так сразу скоронили. Я плохинькая была, думали — не выживет. Со мной мальчишечка родился здоровенький, а умер. Меня же привязывали к лопате (хлеб на ней из печи вынимали) — и в печку чуть теплую, чтобы здоровенькой росла. Вот я живу, родителей пережила.

До колхозов у родителей были свои загоны, свой хлеб. Отец, великий труженик, держал скотину — лошадку, коровенку, бычка, овцы были, куры, конечно.

Колхоза люди не знали, боялись. Всё страдали: будет коммуна, все под одним одеялом. Были тут какие-то коммунисты, к отцу ходили, уговаривали идти в колхоз. Туда надо было лошадку сдать, землю сдать. Всё же его уговорили. Лошадь у него была хорошая, жеребец в яблоках, он его продал, купил гнедую кобылу подешевле, ее и сдали в колхоз. Потом все говорили, что видели нашего жеребца в Казани в тараптасе. Отец в колхозе всё время конюшил на конюшне, за лошадьми ухаживал. А как старей стал, то он со сватьями, жили напротив, брали домой выращивать жеребят. За это давали трудовни, а по ним в конце года получали зерно. Корову, надворную скотину нам оставили. Свиной не держали,

они появились уже в наше время. Когда взрослыми стали и коров не стало, тогда и свиной завели. Уток и гусей тоже не держали, водосмов не было. Липь Мусорин, врач, индюков держал. Грамотный мужик был, умел заговорить. А овец держали столько, сколько кто сможет. Как без них? Сенокос — падо барашка заколоть, зимой овец кололи, оставляли несколько, ягнята, вот и новые пошли. Пасли в табунах, сколько их было! Семья наша не голодала, средняя была.

Мне доставались заботы по дому. Был у нас большой сад, где я собирала яблоки. В то время я еще была маленькой,

Слева направо: 1-й ряд — И.И. Абрамушкин, А.Я. Логинова, М.А. Логинов; 2-й ряд — Е.Л. Архипова, А.М. Герасимова, Е.И. Абрамушкина

худенькой девчонкой 11 лет. Не обходилось без курьезов. Однажды при рыллении картошки слышу голос соседской бабушки: «Кыш, гуси, кыш!» Подняла голову и недоумешно оглянулась, опять взялась за дело. Уже потом поняла, что соседка приняла меня из-за моей белой рубашки за гусей. Я до сих пор со смехом вспоминаю этот случай.

В школу шли в 8 лет, а я побежала в 7. Там мне сказали: иди к маменьке, кашкой тебя попотчует. В общем, пошла в 1-й класс в 8 лет. Директора не помню. Наверно, бестолковая была. Помню еще Чернышову Александру Ивановну... А первая учительница была Мария Васильевна Казакова. Она жила на квартире у моей тетки. Та была старенькая и попросила жилищу отвести ее в церковь, которую открыли перед Пасхой. Молодежь тут же сочинила частушку:

*Как Маруся Казакова —
школьная работница —
Вместо клуба пошла в церковь.
Вот какая безбожница!*

Учеников привлекали к работе в колхозе. Помогали в сенокосе, пололи хлеб. Уходили на весь день, родители давали с собой хлеб, пол-литра молока, картошку, огурцы. Как поощрение из бригады нам привозили куски хлеба с медом.

Училась не больно хорошо, никто меня не заставлял учиться. Никакой предмет не нравился. Все были глупы, неграмотны. Учишься — не учишься. 5-й класс закончили, а в 6-м с подружками сбежали. Просто не захотели и не пошли в школу, никто за нами не пришел, и родителей в школу не вызывали. Помогала по дому. Помню, как маленькая ездила с тятьей в Алатырь продавать яблоки. Сады здесь были очень хорошие, большие.

А вечером ходили на посиделки, хорошо водили. Посиделки были по очереди,

ночле у нас, завтра у другой подруги. Ходили с делами: кто вяжет, у кого кружева, у кого носки. Сидим, дожидаемся. Вот идут ребята, кто — с гармошкой, кто — с балалайкой. Начинается пляска. Было мне лет с 14, а после войны никаких посиделок не было.

Началась война. Мне шел тогда 17-й год. Работала тогда помощником тракториста, плугарем. Трудилась от зари до зари; кроме того, рыли окопы зимой за Сурмайданом целыми семьями. В Кувакино учили военному делу допризывников. Распределяли их по квартирам, сколько-то жило у нас. Среди них был Иван Егорович Архипов, из Мирёнок, так познакомилась с будущим мужем. Он же подружился с моим двоюродным братом, он был молчаливый, церковь наша закрыта, а в Мирёнках была. Вот брат ходил в церковь в Мирёшки, к ним ходил, меня и расхвалил.

Ребят обучили и забрали в армию, затем стали нас, девчонок, обучать. Старшая

С фронтовой подругой

На фронте

И.Е. Архипов (1943)

сестра со старыми родителями осталась, а меня взяли в армию. Повестку принесли в конце 1942-го. Днём принесли, а вечером отправили. Доехали до Междуречья, там ночевали — темель, шурга. Затем Алатырь, дней десять держали в Канаше, повезли дальше. Какая Москва, мы не знали куда нас везут...

Приехали в Химки, нас здесь обучали. Затем в Москву, где с одной сурмайданской девчонкой попала в зенитную батарею: 4 пушки 75-ки, были проектировщики, прибористы, дальномерщики. Мы же во вводе управления, в разведке. Здесь также учили распознавать, какой самолет летит и по какому курсу. Часто летали «Хенкели», «Юнкерсы», наши истребители. Вот мы и не допускали врага к Москве. Какая батарея шымат его — его и сбивает.

После войны, пока мы там были, приезжали вербовщики. Уговаривали остаться, идти на завод и делать такие же приборы. Да Москва незавидная было. Вся замаскированная, зеленая, не то что сейчас — вся гремит. Тем более что ставилось условие отработать год, и только тогда отпускают в отпуск. Да и на московичей посмотрелись. Едим в столовой, а в карман хоть корочку кладем. Выходим, стоят дети, старики с ладошками. Были у нас девчонки из Подмосковья, иногда отпрашивались домой на день съездить.

Вот мы копили: одну порцию с подружкой съедим, а другую откладываем, чтобы она поехала с гостинцем. Какая нам Москва была, разве мы тут остаемся!

С войны отпускали в июле 45-го. Приехали сами, только в форме, награды нам только записывали, присылали потом, шлют и сейчас. Кто будет встречать? Были мать с отцом, сестра сиротив жила, да девчонки, что здесь остались. Молодежи не было, на улице одни собаки лаяли, в клубе какое-то немое кино. Возвращались редкие.

Мой будущий муж тоже был фронтовик, служил в Германии, в октябре приехал в отпуск (из трех братьев он один остался в живых). Он был портной от роду: дед и отец шили. Кому-то сшил шинель в военкомате, его и оставили, написав бумажку как специалисту сельского хозяйства. Вот тут и вновь «познакомились». Мужа взяли закройщиком в Кубакинскую швейную мастерскую бытового обслуживания. Стали жить отдельно, по квартирам. А этот дом был старый, наших родственников, уехавших в Казань. Мы его в [19]46-м купили, перестроили и так до сего времени здесь живем.

Сад в войну вымерз, яблони мы раскапывали и сажали картошку. В 47-м родилась дочка. Стало чуть полегче, когда пошла санитаркой в больницу. Ведь в то время никаких льгот фронтовикам не было. Магазин был, да там в очереди удавиться за килограмм песка или пшена. Бутылкой

накатаешь пшено, вот ребенку кашу сварить. Муж-то портной, а попробуй дома поработать, из райпо тут же нагрянут. И Палог плати, я же не работала, а придут и говорят: подписываться на займ.

Я в больнице 40 лет проработала санитаркой. Дрова привозили на лошадях, санитарки пилали и кололи, сами на горбу таскали. Чай, 8 печек надо было стопить. Да и за больными надо было ухаживать. Новую больницу мы тоже строили. Немного полегчало: в новом здании кочегарка, вода, туалет. Да мы уже пожилые стали. В больнице хотели что-то сделать, всех нас сократили, выгнали. А зарплата у меня маленькая. Такая же была и пенсия. Но я еще на пенсии поработала, в сельсовете убиралась и так до 70 лет работала.

О льготах, кажется, при Ельцине заговорили. А у меня ни медалей, ни военного билета (может, дети изорвали). Медали за победу над Германией мы с мужем передали на свадебные кольца детям. А как быть с документами? Был у нас в больнице

В год юбилейный

хирург П.В. Гапиз, он все время говорил, добивайся, а предрайисполкома Юдин надоумил написать в Подольский архив. Так мы документы и награды получили. Затем с трудом стали получать льготы: прибавки к пенсии, 2-я группа инвалидности, при Путине получила жилищный сертификат. Пенсия у меня, как у участника войны, видимо, самая маленькая, 30 тыс. руб. Но я ей рада до смерти, только дай Бог здоровья и пожить подольше.

Хорошо, что церковь отстроили. Меня дети ругают, не научила их в церковь ходить. А когда! Помню, в церковь ходила до школы, большая была — с красивыми царскими воротами. Вспоминаю батюшку Патяева. Он был приезжий, все в его семье культурные, воспитанные. Меня мама посылала к ним с молоком. Церковь закрыли, батюшку посадили. Семья наша была крестьянская, все Богу веровали. Потом попы в село приезжали втихаря, жили по домам, в том числе и у нас. А дочь Патяевых жила в Латыре, я с дочерью съездила к ней в 1972 г. А где она жила — вспомнить не могу.

Вымирает все наше село. Ночью лежу и вспоминаю, какое оно было большое, сколько домов, в каждой семье по 5—6 детей, а в иных и до 8. Был клуб, в праздники колоннами шли на демонстрацию, а сейчас тишина гробовая. Как совхоз кончился, люди стали уезжать. Работы нет, что тут делать? Мы — пенсионеры, да часть мужиков работают в Мордовресурс. Большинство продали свои земельные нац, лишь немногие оставили землю и получают за нее в конце года зерном. Школа, психбольница, садика уже нет. Одни цыгане — никто не знает, чем они занимаются, мужья куда-то уезжают, жены даже огороды не обрабатывают. На материнский капитал скупают дома, их женщины рожают и рожают. Нам открыто говорят: «Наше село будет». Как хочется, что все это было сном...